

Н. Х. Авшалумова

ЯЗЫЧЕСКИЕ ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ И ПРАЗДНИКИ У ТАТОВ-ИУДАИСТОВ ДАГЕСТАНА

В отличие от других народов Дагестана подавляющее большинство татского населения края исповедует иудаизм (в то время как меньшая часть — мусульмане). В прошлом таты официально именовались по географическому и религиозному признакам «горскими евреями» (живут в горном крае и являются последователями иудейской веры).

В раннем и позднем средневековье почти все таты-иудаисты жили в горных аулах и равнинных селах Дагестана в тесном соседстве или же совместно с табасаранцами, рртутьцами, лезгинами, кумыками, даргинцами, аварцами, азербайджанцами и др. и вели с ними одинаковый образ жизни. Основным занятием татов-иудаистов являлось земледелие. Таты-иудаисты начали постепенно переселяться в города примерно с начала XIX столетия. Но еще 120—150 лет назад большинство татского населения Дагестана жило в более 30 аулах и селениях: Жараге, Мугарти, Мамраче, Ханжалкале, Араге, Карчаге, Пенджихьи (Гьилхпенжи), Мараге, Хамайди, Билхади, Нухгеди, Янгикенте, Маджалисе, Эрпели, Дургели, Тарки, Хошмемзиле, Эглаби, Муьшгуйре (Нюгди), Буйнаке и др.

В течение веков и тысячелетий, находясь в среде горских народов, таты-иудаисты восприняли большинство их обычаев и традиций. В этой связи заслуживает внимания высказывание еврейского путешественника-этнографа Иуды Черного, который в 1868 г. побывал в ряде аулов и сел, где проживали таты-иудаисты. И. Черный пишет, что, живя «с незапамятных времен между горскими племенами Кавказа... они совершенно отатарились»... приняли их «характер и многое из обычаев, нравов и образа жизни мусульман», но язык их остался тот же самый фарсидско-татский.¹

М. М. Ихиллов также указывает, что «в этнографическом отношении горские евреи имеют много общих черт с окружающими народами».²

Несмотря на то, что таты, исповедующие иудаизм, были последователями одной из первых монотеистических религий мира, оказавшей большое влияние на формирование таких мировых религий, как христианство и ислам, в религии татов было много языческих верований, обрядов, обычаев и праздников. Об этом подробно пишет в своей книге, изданной в 1888 г., первый ученый-исследователь, вышедший из татской народности, родом из дагестанского аула Тарки Илья Щербатович Анисимов. Автор чаще всего будет ссылаться в статье на указанную работу как на наиболее достоверный в данном вопросе источник. Так, ученый подчеркивает, что почитание языческих божеств, соблюдение языческих обычаев, обрядов и праздников, существующих в среде его единоплеменников, «прямо противоречат духу и требованию иудейской религии».³

Анисимов отмечал, что, хотя таты-иудаисты верили в существование верховного бога, вместе с тем они считали, что есть и другие божества, «имеющие обширную власть над природой и человеком», добрые и злые, видимые и невидимые: Нум-Негир, Ождогьое-Мар, Шегьиту, Сер-Ови, Дедей-Ол, Идор, Земирой, Гудир-Бой и др.⁴

Наличие в религии татов-иудаистов языческих божеств и почитание их, с одной стороны, являлось следствием социально-исторических условий, нашедших своеобразное отражение в их сознании; с другой — связано, как подчеркивает вышеупомянутый автор, «с недавним только знакомством горских евреев с европейскими евреями и вообще с законами иудейской религии».⁵

Еще в пору путешествия И. Черного по Дагестану и научной экспедиции И. Анисимова по Кавказу с целью собирания сведений о материальной и духовной

культуре, обычаях и традициях татов-иудаистов не только простые люди из среды татов, но и почти все местные раввины не знали Талмуда. Сами же раввины, как отмечает И. Анисимов, «едва-едва объясняются по-древнееврейски (язык Священного писания) и с трудом понимают Библию»⁶. Среди иудейских священнослужителей он нашел лишь двух раввинов — главного раввина г. Темир-Хан-Шуры Хазкела Мушаилова и главного раввина г. Дербента Якова Исхакова, — хорошо знавших Талмуд и обряды иудейской религии. Первый из них получил религиозное образование в России, а второй — у своего отца, который 13 лет жил в одном из тогдашних иудейских религиозных центров (Белая Церковь) и учился у еврейских раввинов. «Остальные же раввины, — подчеркивает он, — или очень плохо знают еврейские науки, или почти в них ничего не смыслят, заботясь только об искусстве резать скотину»⁷.

И. Черный, по его сведениям, «познакомился со всеми горскими раввинами на местах их пребывания».⁸ Он также утверждает, что за исключением двух раввинов, о которых упоминает и Анисимов, остальные «или знают еврейский закон весьма неудовлетворительно, или же почти в нем не смыслят... С трудом я мог объясниться по-древнееврейски с их раввинами».⁹ Об этом же пишет в одной из своих работ М. Ихилов. «Язык, на котором написана Библия, — говорит он, — был недоступен широким слоям народа: древнееврейский язык знало лишь небольшое число духовных лиц»¹⁰.

Не только некоторые дореволюционные ученые (И. Черный, В. Миллер, И. Анисимов), но и современный крупнейший ученый-ирановед И. Брагинский указывает на то, что до присоединения Кавказа, Дагестана к России таты иудейской веры не были знакомы с одной из главных священных книг иудаизма — Талмудом (Мишной и Гемарой), с его строгими повелениями и запретами, суровым осуждением любого проявления язычества, многобожия, не говоря уже о новых течениях в иудаизме. Таты более-менее знали только Ветхий Завет. Видимо, имея в виду это обстоятельство, М. Ихилов в своей диссертации «Горские евреи» указывает лишь на «некоторую религиозную общность» татов-иудаистов с евреями¹¹. И. Анисимов настойчиво подчеркивает наличие в религии татов-иудаистов множества поверий о божествах, традиций, связанных с празднованием времен года, а также «своеобразными обычаями, сопровождающими свадьбу, похороны, поминки, кровосмешение и проч.»¹² Он отмечает, что большинство татов «вовсе не знает даже о существовании главных молитв евреев».¹³

Надо сказать, что знакомство татов с Талмудом, внедрение в их жизнь основных законов иудаизма начали приводить к постепенному вытеснению из их религиозных представлений языческих богов, из обрядов и празднеств — языческих элементов. Вот что пишет по этому поводу И. Анисимов, на глазах которого происходит этот процесс: «... В последнее время горские евреи... начинают постепенно очищать свою веру от прежних языческих верований и забывают своих второстепенных богов, но к таким пуристам относятся только городские горские евреи, или те, которые имеют раввина, получившего образование между русскими евреями... Но жители аулов, которые продолжают жить в первобытном состоянии, чтут этих духов и теперь и справляют в известные дни и времена года различные церемонии»¹⁴.

Вот пример, наглядно подтверждающий это свидетельство ученого и заслуживающий подробного описания. Как известно, одной из главных молитв иудеев является заупокойная молитва «Кадыш». У жителей же татского селения Нюгди (Дербентский район) еще в начале 30-х годов существовал своеобразный обряд, связанный с похоронами и заупокойной молитвой: впереди погребальных носилок босиком, с засученными до колен штанами, шли сыновья умершего. На шее у них кусок савана — символ беспредельного горя и любви к отцу. После погребения все быстро подходило к краю кладбища, к месту, где течет арык, умывались, после чего выстраивались рядом со старейшиной или раби (татск. «раввин») и старший из сыновей произносил следующие слова: «Я родной сын своего отца, кровь от крови и плоть от плоти его,

перед лицом всего джамаата * заявляю, что кроме меня (и моих братьев), у моего отца нет сына (сыновей). Если кто-нибудь под моим (нашим) именем и обличем явится к моему (нашему) отцу, будет тревожить его покой, пусть того постигнет божья кара и проклятие народа! Амины!».

По всей вероятности, иудейская заупокойная молитва «Кадыш» раньше не была знакома нюгдинцам. После погребения покойного они ограничивались лишь такого рода заклинанием, носящим чисто языческий характер. Позже, когда как обязательная была введена заупокойная молитва, нюгдинцы все равно сначала приносили упомянутое выше заклинание и только после этого читали «Кадыш». Этот обряд и связанные с ним процедуры пришлось выполнить 13-летнему подростку, жителю селения Нюгди, будущему татскому писателю Х. Авшалумову. Впоследствии он описал его в повести «Возмездие»¹⁵.

Исполнение этого заклинания у татов-иудаистов было связано с тем, что, по их представлениям, злые духи нападали не только на живых, но и на мертвых. По поверью татов, когда в семье умирает мужчина, духи сразу же приходят к нему на могилу в образе его сыновей и начинают предъявлять ему различные требования на правах его «законных наследников». Поскольку покойник не может удовлетворить их требования, они набрасываются на него и начинают растаскивать по кускам. Заклинание же, произнесенное на кладбище, призвано оберегать покойного от нападения злых духов — пожирателей мертвецов.

Интересна и такая деталь, на которую указывает И. Анисимов: где бы ни читалась молитва — дома или в нумазе (молитвенном доме), — таты-иудаисты молятся, стоя лицом к западу, тогда как согласно иудейской традиции нужно молиться, повернувшись лицом к востоку.

В связи с вышеупомянутым обрядом можно рассказать и о таком обычае. Любовь к отцу у татов издревле считается святым чувством. Это, конечно, связано и с естественной привязанностью человека к своим родителям, и с полупатриархальным укладом жизни, в котором царили родовые обычаи, когда мужчина, старший в роду, фактически был вершителем судеб членов этого рода. В основе быта лежали адаты (неписанные законы), одним из которых являлось беспрекословное подчинение старшим. Надо сказать, что и у отца к сыну складывалось особое отношение — ведь он продолжатель рода, кормилец, будущее его семьи.

Наряду с этим следует отметить, что традиционно таты смерть детей воспринимали с обреченным спокойствием. Осуждался даже траур по маленьким детям или сильное оплакивание их. Возможно, такое отношение к смерти детей возникало в силу тяжелых условий жизни, когда почти всякая болезнь становилась неизлечимой и, таким образом, срабатывал процесс естественного отбора. Семья имела в среднем 6—12 детей, из которых выживало только несколько. Таты постепенно привыкали к утрате детей, и это событие считалось неизбежным явлением в каждом роду. Однако у татов существует ритуал, с помощью которого отец может поменяться местом с умирающим ребенком. Для этого он должен расстегнуть ворот рубахи, поднять голову кверху и пройти у изголовья больного трижды с мольбой к богу взять его душу вместо больного. Известны случаи, когда люди, прибегавшие к этому способу, по рассказам очевидцев, вскоре умирали, в то время как больные дети выздоравливали.

Этот ритуал описан в романе известного узбекского писателя П. Кадырова («Бабур»)¹⁶. Автор вспоминает: «Когда я работал над романом, я всегда помнил его поступок, когда он в апогее своей власти совершил обряд отказа от собственной жизни ради спасения тяжело больного сына. „Возьму себе твою боль!“ — эти слова-заклинания есть у нас, у армян, таджиков, азербайджанцев, да почти у всех народов. Бабур был так искренен в своем молении, что его смертельно больной сын выздоровел, а сам он вскоре скончался»¹⁷.

Свидетельством того, что татское население оставалось полуязыческим, можно считать и то, что, как заметил в конце прошлого века И. Анисимов,

* Джамаат — общество, весь народ.

большинство его земляков «не умеет не только написать, но даже прочесть двух слов Священного писания и молитв. Лет 10—15 тому назад грамотных совсем не было среди горских евреев и редко кто из них знал или имел понятие об обрядах своей религии»¹⁸. Видимо, слабым влиянием иудаизма можно объяснить и то обстоятельство, что в устном творчестве татов не встречается сказок, связанных с иудейскими религиозными сюжетами. На это указывает один из старейших татских поэтов, собиратель и знаток татского фольклора, учитель татского языка Б. Гаврилов¹⁹.

Приведенный выше материал позволяет нам еще раз подчеркнуть мысль о наличии у татов иудейской веры множества языческих верований и обрядов. Останемся более подробно на некоторых из них.

Одним из широко известных божеств у татов-иудаистов считалась Дедей Ол (мать Ол) — гроза рожениц. Согласно татскому поверью, Дедей Ол имеет обличье женщины. Она живет в лесу, одеждой ей служат пышные черные волосы, достигающие до пят. Питается Дедей Ол сердцем и легкими роженицы. Чтобы погубить свою жертву, злая богиня принимает облик кого-нибудь из ее близких, проникает в дом, вынимает внутренности женщины, затем спешит обратно в лес, здесь в речке она полощет свою добычу и проглатывает ее, после чего роженица умирает. У татов до сих пор существует проклятие: «Да чтоб твое сердце унесла Ол!»

Но, как и у большинства злых божеств, у Дедей Ол есть уязвимое место — ее волосы. Если кто-нибудь из мужчин, встретившись с Дедей Ол в лесу, сумеет приблизиться к ней с обнаженным кинжалом и ухватить ее за волосы, то может потребовать, чтобы она не покушалась на жизнь ни одной роженицы из его рода. В этом случае Дедей Ол вынуждена будет исполнить требование храбреца. Она выдергивает один волос со своей головы и с клятвой протягивает ему как залог того, что не будет покушаться на жизнь женщин его рода.

Вероятно, происхождение этого образа в религиозных верованиях татов связано с большой смертностью женщин-рожениц (вследствие почти полного отсутствия гигиены при родах, раннего замужества). Как правило, средний возраст девушек (девочек)-невест был 11—13 лет. Путешественник С. Вайсенберг рассказывает, что, будучи на свадьбе у татов-иудаистов в городе Кубе, он был поражен тем, что женщины веселились «совершенно отдельно от мужчин» и что «невесте было только 11 лет»²⁰.

С не меньшим удивлением отмечает и И. Черный: «В селении Мамрач, в Кюринской округе, хозяйка, у которой я стоял на квартире, родила сына. Рожала она, лежа на земле... Постелью ей служила солома»²¹. Он также пишет, что «горские евреи совершают брачные союзы большей частью между своими родственниками, реже со своими единоверцами из других аулов. Девушка в 12 лет и далее уже выдается замуж, помолвка делается у них в младенчестве»²².

Нередко в возрасте 25—27 лет женщины имели четырех-пятерых детей. По рассказам родственников, моей бабушке было 12 лет, когда ее выдали замуж. Она умерла в возрасте 27 лет. К этому времени у нее уже было пятеро детей. Причиной ее смерти считали злую богиню Дедей Ол.

Почитание некоторых животных и зверей характерно для каждого народа. Возможно, что отголоском тотемного отношения татов к змее явился образ хранительницы домашнего очага Гьеждогьое-Мар (Аждаха-Змей) — персонаж сказочного фольклора. Как правило, в произведениях фольклора татов змея выступает в роли мудрой, степенной, честной, отзывчивой на любовь, справедливой героини. Она не допускает коварства и обмана по отношению к тем, кто сделал ей добро, может одарить человека богатством, сделать его счастливым, круто изменить судьбу. Она способна предсказать будущее, раскрыть тайны, разгадать сны.

Гьеждогьое-Мар, по поверью татов, находится под полом в фундаменте или в потолке около балки (крыши были плоские, без чердаков). Она невидима и выходит из своего убежища только тогда, когда ее никто не может заметить, чаще ночью. На предполагаемом месте ее обитания (с наружной стороны фундамента

или на выступающей части верхней балки) хозяева ставили для нее чашу с молоком и медом, полагая, что сама Гъждогъое-Мар выходит из своего укромного уголка, чтобы попробовать и оценить по достоинству жертвоприношение. В свою очередь, Гъждогъое-Мар, будучи добрым божеством, способствует благополучию, благосостоянию и миру в семье.

Другим невидимым добрым божеством является Сер-Ови (*сер* — голова, главенствующий, *ов* — вода). Оно обеспечивает чистоту воды — важнейшего источника жизни людей, охраняет ее от порчи, является неусыпным стражем водных богатств.

Одним из самых радостных и любимых народных праздников у татов-иудаистов считался праздник в честь божества плодородия Идора. Сам праздник назывался по имени этого божества — «Шев Идор» («Ночь Идора») и проводился ежегодно в начале весны. На празднике подавались всевозможные плоды и ягоды, заготовленные летом и осенью. Хозяйка на подносе должна была преподнести гостям эти дары природы и, приветствуя всех присутствующих за трапезой, произнести молитву. После этого гости принимались за угощение. Когда подносы пустели, они, подняв руки к небу, просили ниспослать им хороший урожай в предстоящем году.

Таты верили, что в эту ночь весь растительный мир устраивает праздничное шествие. На нем главенствующее положение отводится деревьям, плоды которых съедобны. Царем растительного мира является дуб, так как он живет, по верованиям, дольше всех и крепче других деревьев («крепкий как дуб»). Святыми же считаются кизил и виноград, ибо они неуязвимы для червей. В эту ночь все деревья и растения поют, танцуют, веселятся, а затем под звуки зурны, барабана, песен направляются в гущу леса к богу плодородия — Идору. Бог Идор сообщает каждому свое решение относительно урожая, места в растительном мире и срока жизни. И никакие просьбы что-либо изменить в печальной участи неплодоносных деревьев не дают результата.

С занятием земледелием у татов иудейской веры был связан ряд языческих обрядов. Весною, когда посевам и садам требовалась влага, кого-нибудь из сельчан наряжали «Гудилом». С ног до головы обвязывали его длинными ветками с богатой молодой листвой и с песней-заклинанием водили по селу. Гудила повсюду встречали радостными восклицаниями: «Хо! Хо!». Женщины, девушки, ребяташки плескали в него из кувшинов и медных кружек водой со словами: «Дай бог дождя!...». Несколько голосов запевало: «Гудил, Гудил пришел!», остальные дружно подхватывали: «Хо! Хо!». Звучала эта песня так:

- | | |
|-----------------------------|---|
| — Гудил, Гудил омери! | — Гудил, Гудил идет! |
| — Гьо! Гьо! | — Хо! Хо! |
| — Бэхш Гудиле дит гьери! | — Дайте Гудилу его долю! |
| — Гьо! Гьо! | — Хо! Хо! |
| — Эз худо гердо воруш! | — Пусть от бога будет дождь! |
| — Гьо! Гьо! | — Хо! Хо! |
| — Екиш мегердо нэхуш! | — Да пусть никто не подвергнется болезни! |
| — Гьо! Гьо! | — Хо! Хо! |
| — Мэхьсуьлгьойму бул гердо! | — Да чтобы были обильны наши посевы! |
| — Гьо! Гьо! | — Хо! Хо! |
| — Гьэдо-боло дур гердо! | — Да чтоб горе и страдание удалились! |
| — Гьо! Гьо! | — Хо! Хо! |

В этой песне-заклинании есть еще и слова, в которых выражается просьба, мольба к богу уберечь детей от болезни, скот от порчи и т. п.

Интересно отметить, что у татов, живших среди кумыков, этот обряд исполнялся на кумыкском языке. Правда, в их песне Гудил называется Гогилом и содержание несколько иное. Кроме того, если таты южного Дагестана водили по

селу мужчину, обязанного зелеными ветками, то таты, жившие среди кумыков, этот обряд исполняли иначе. Девушки брали большой деревянный половник или шумовку, надевали на них платье маленькой девочки, завешивали кукле лицо платком, как невесте, и ходили с этим чучелом по домам односельчан. Женщины окатывали водой чучело и девушек. При этом девушки распевали песню на кумыкском языке: Гогиль, гогиль гун герек и т. д.

Есть у татов и другая обрядовая песня, связанная с весенним праздником «Шаами весал» — «Светоч (свеча) весны». Его справляют примерно в середине апреля, когда на полях уже начинают зеленеть озимые всходы, а в садах распускаются почки, появляются молодые листья. На окраине села, на месте прошлогоднего гүмна, разводят костер. Молодежь — девушки и парни — собираются вокруг костра, поют песни, прыгают через огонь, чтобы он предохранил их от дурного глаза, скот — от падежа, посевы — от засухи. Сохранилось два куплета этой песни, взятые нами из сборника стихов одного из старейших татских поэтов Я. Ильягуева²³.

... Е нечогъи не е беди
Гъич меево э гъэд эн дигъ,
Эз гъедегъо хилос сохош,
Шэгъми васал, гьер сал гердош!
Соймишигъо гъисмет гердо,
Метлеб ишу бегъем гердо,
Охош-охош шоре васал,
Гьер сал гердош, Шэгъми васал...

Пусть никакая болезнь или беда
Никогда не придет в село,
Избавьте нас от всяческих несчастий,
Весенние костры да будут каждый год!
Влюбленные пусть встретятся,
Желанья их пусть сбудутся,
Охош-охош * радостная весна,
Пусть каждый год будут весенние костры!

По словам Я. Ильягуева, песня была большая. Причем, кроме нескольких обязательных куплетов, собравшиеся тут же импровизированно исполняли новые, в зависимости от того, какие пожелания хотели передать своим близким, родным, знакомым.

У татов существовало много обрядов, связанных с обожествлением огня, верой в его очистительную силу. Одним из широко распространенных обрядов поклонения огню является «Терсбин». Причиной многих болезней у татов считали злых духов, вселившихся в человека. Чтобы исцелить больного, изгнать из его тела злого духа, над его головой разжигали огонь на куске железа и водили по кругу, произнося слова заклинания. До сих пор в устах суеверного тата клятва «Клянусь огнем!» звучит сильнее, чем клятва «Клянусь богом!».

Итак, краткий анализ некоторых языческих обрядов и традиций татов-иудаистов дает нам возможность утверждать, что они являются составной частью своеобразной национальной культуры небольшого по численности народа Дагестана, историческим отражением определенного уровня его социальной, духовной жизни, религиозного мировоззрения и художественного творчества.

Примечания

¹ Черный И. Горские евреи // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. 1870. С. 9.

² Ихилов М. Горские евреи: Автореф. канд. дис. М., 1949. С. 5.

³ Анисимов И. Кавказские еврей-горцы. М., 1888. С. 39.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ Там же. С. 13.

⁶ Там же. С. 59.

⁷ Там же. С. 60.

⁸ Черный И. Указ. раб. С. 12—13.

⁹ Там же. С. 12.

¹⁰ Ихилов М. Горские евреи // Народы Дагестана. М., 1955. С. 235.

* Охош-охош — татск. междометие, выражающее высшую степень удовлетворения.

